

ГЛАВА 1

ПОКА ЧАСЫ ДВЕНАДЦАТЬ БЬЮТ

Знаете, чем мы больше всего отличаемся от остального мира? Не внешним видом, не манерами и даже не характерной речью, выделяющей нас за границей. Нет. Все это, конечно, имеет место, однако корень нашей самобытности кроется в ином. Мы Новый год встречаем не так, как весь мир. Остальные либо выдыхаются во время празднования Рождества, либо еще только раскачиваются со своими восточными и еще бог знает какими календарями. А мы в ночь с 31-го декабря на 1-е января выкладываемся на полную катушку. Это и есть наш главный праздник. Самый волшебный и желанный. Без него мы зачахнем и потеряем интерес к жизни.

О эти новогодние застолья! Пенящееся шампанское, оливье и торт «Наполеон», буженина и селедочка, коньяк вперемешку с водкой, икра красная, икра баклажанная, пышные тосты, бой курантов, отсчет мгновений и наивная вера в то, что завтра все будет по-другому — лучше, чище, правильнее. А потом опять целый год ожидания. Зароки-то мы даем именно под Новый год. И торопим, торопим праздник — душа требует перемен! Никому не приходит в голову, что в жизни у него всего несколько десятков «новых» годов и что всем им суждено стать старыми, а потом и вовсе кануть в лету.

Молодежь, конечно, все дальше отходит от священных родительских традиций. «Иронию судьбы» не смотрят, на давно уже не голубые (или как раз чересчур голубые) «огоньки» плюются: и Киркоров им нехорош, и вместо Баскова им кого-нибудь другого подавай, и елки синтетические тыкают вместо живых лесных красавиц. Приходится старшему поколению отдуваться. Они стараются отмечать праздники так, чтобы все было как раньше, когда водка по три шестьдесят две, колбаса по два восемьдесят и «С Новым годом, с новым счастьем, успехов в труде и личной жизни, дорогие товарищи!».

Люди среднего возраста находятся на распутье. Одной ногой они в прошлом, другой — в будущем. Это именно они шпалят салютами в новогоднюю ночь, чтобы как-то выразить смятение чувств. И, случается, перебирают со спиртным.

Саша не любила отмечать праздники с родителями. До четырнадцати лет было еще как-то терпимо, в шестнадцать она сказала себе: «Хватит!», — а теперь, готовясь разменять уже третий десяток, была вынуждена вернуться на круги своя.

Круги эти Сашу не привлекали и не радовали. Она возвратилась в отчий дом от безысходности. Жизнь сложилась так, что ей было больше некуда деться. Она осталась у разбитого корыта, хотя ничего у золотой рыбки не просила и завышенных требований к судьбе не предъявляла.

А муж ее взял и бросил. На четвертом месяце беременности. Вернее, она вроде как сама собрала вещички и провозгласила, что уходит, а он даже не подумал Сашу удерживать. Попрощался холодно и сделал ручкой, ступай, мол, на все четыре стороны, дорогая жена.

А началось все с пустяка. Или не с пустяка? В общем, еще летом Саша начала замечать, что Вадик покуривает. Тайком, не в открытую и, по всей видимости, не так уж часто, но ей это активно не понравилось. Дело в том, что он уже трижды давал ей твердое честное слово, что бросит

вредную привычку. Это была не просто Сашина прихоть. Они уже несколько лет изо всех сил старались зачать ребенка, и ничего у них не получалось, несмотря на то что обследование не выявило никаких отклонений в организмах обоих. Просто никак не могла Саша забеременеть, и это ее ужасно удручало. Вадим, естественно, тоже не радовался. Курить он регулярно бросал как раз по этой причине. И бегать начинал. И ел исключительно здоровую пищу.

А потом срывался и вновь принимался дымить украдкой, поглощать гамбургеры и отменять пробежки, ссылаясь на боль в коленях.

Поймав Вадима на горячем, то есть в куртке, провонявшей сигаретным дымом, Саша высказала ему без обвиняков все, что думала о нем и его безответственном поведении. «Мне уже двадцать девять лет, — сказала она, — и я не хочу рожать в тридцать с чем-то, когда это чревато осложнениями. Мы должны сделать все возможное ради будущего ребенка, как ты не понимаешь? Чтобы не быть старыми, когда он будет нуждаться в молодых и сильных родителях. Я не потерплю рядом с собой безвольного мужчину, не способного держать данное слово. Ты пообещал не курить и заниматься спортом, так будь добр выполняй свое обещание. Посмотри, в кого ты превратился! Вес уже под сто, потому и ноги болят. Им тяжело такой вес носить. Решай, Вадик. Ты берешься за ум? Или говори прямо: буду курить и толстеть. Это будет честно. Ты уже не мальчик за углами прятаться...»

Вадик сказал, что все осознал и никогда больше не нарушит обет. И очень скоро, как будто бы в качестве приза, Саша показала ему сработавшую полоску теста. Они были счастливы. Вадик купил ей сережки с бриллиантами. Но на следующий день на пробежку не вышел, сославшись на плохую погоду. Погода переменялась, а занятия спортом так и не возобновились. Вадик начал набирать вес, оправдывая это неправильным обменом веществ, а не пожиранием шаурмы,

кафешных пирожных и прочих гадостей. Саша терпела, предпочитая верить неуклюжим оправданиям. Но курение — это было уже чересчур. Она возмутилась и предупредила, что их сыночек не будет иметь в качестве примера курящего папу. Слово за слово, и бриллиантовые сережки были брошены к ногам Вадика, а Саша отправилась собирать чемодан. Это было ошибкой. Но не могла же она после этого разложить вещи по полкам и сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Вот так она оказалась под крышей родительского дома. Самый лучший праздник в году превратился в сущее наказание. Не утешало Сашу и то, что дом был большой и богатый, с красной черепицей, круглыми башенками и флюгерами. Стоил он целое состояние, да и строительство часто оказывалось под угрозой, потому что Игорю Петровичу Каренину то и дело не хватало денег. Однако он перехватывал, ловчил, тянул с оплатой, вытягивал недостающие суммы из бизнеса и в конечном счете довел начатое до конца. Саша часто ставила упорство отца в пример мужу, что тому, понятное дело, не нравилось. Но она в самом деле гордилась папой. Правда, предпочла бы делать это на расстоянии. В просторном доме, как ей казалось, все же было тесновато. Родители раздражали Сашу. Она злилась на Вадика, злилась на себя, а злость свою срывала на маме с папой.

Раньше ей нравилось, что особняк их стоит в живописном уголке природы и здесь всегда можно отдохнуть от городской суеты. Однако после ссоры с мужем это обстоятельство выводило ее из себя. Она ворчала, что привыкла пить кофе в кафе, что в комнатах сыро, что от дыма в камине у нее тошнота и головные боли. Мать как могла утешала Сашу и была жалка в своей приторной навязчивости. Отец, напротив, никакого сочувствия дочери не выказывал, от ее претензий отмахивался и вел себя так, словно ничего особенного не произошло.

Неудивительно, что в новогодний вечер Саша чувствовала себя просто отвратительно и выглядела соответственно. В довершение ко всем огорчениям с утра зарядил дождь, смывший робкий снежный покров — единственное, что радовало Сашино сердце. К столу она вышла мрачная и бледная. Во время беременности ее совершенно не беспокоил токсикоз, однако назло матери она заявила, что ее тошнит, и отказалась от всех заботливо приготовленных угощений.

Каренины периодически приглашали работников для уборки, ремонта и прочих хозяйственных надобностей, но готовила Дарья Геннадьевна всегда сама и к пятидесяти годам достигла в этом деле совершенства. Ей очень хотелось, чтобы любимая доченька поела как следует и похвалила ее стряпню, оттого отказ Саши задел женщину. Чего Саша, собственно говоря, и добивалась. У нее было скверное настроение, так почему близкие люди должны радоваться?

Она посмотрела на часы, отметив про себя, что до полуночи осталось еще целых два часа, и сказала, что скоро пойдет спать.

— Как? — огорчилась Дарья Геннадьевна. — А Новый год?

— Без меня встретите, — безжалостно добила ее Саша. — Вам так будет даже лучше. Не будете смотреть на мою кислую физиономию. Вон папа уже желваками играет. Я его раздражаю.

— Александра, — произнес Игорь Петрович низким голосом с громовыми перекатами. — Это семейный праздник. Если тебе так уж тошно находиться с родителями за одним столом, то отправляйся наверх, сиди там сама, а к полуночи спускайся. Мы с мамой тебе подарок приготовили. Ты, конечно, об этом не позаботилась, как всегда, но тебя сюрприз под елочкой ожидает. — Он растянул губы в улыбке. — Давай не будем портить друг другу настроение.

— Ты мне уже испортил, папа! — Саша со звоном бросила вилку, которой ковыряла салат. — Даже сегодня не можешь без упреков! Думаешь, мне не хочется сделать вам подарки? Только деньги где взять? Меня Вадик из дома без гроша выставил.

— Ты сама ушла, — холодно констатировал Игорь Петрович. — Я разговаривал с Вадимом. Он объяснил мне причину конфликта.

Саша задохнулась от возмущения:

— Ты? Говорил с ним? Без моего ведома? Как ты мог!

— Очень просто. Я взял телефон и набрал его номер.

Она вскочила со стула.

— Я здесь больше ни минуты не останусь! Ноги моей не будет в вашем доме! Я ухожу, ясно?

— И очень хорошо, — кивнул Игорь Петрович, останавливая властным жестом жену, намеревавшуюся вмешаться в происходящее. — Поскольку деваться тебе некуда, то отправляйся домой, к мужу.

— Но он меня ни во что не ставит! — воскликнула Саша. — Он игнорирует мои просьбы!

— Не просьбы. Приказы. Ты высказываешь свои претензии в слишком категоричной форме. Ни один уважающий себя мужчина не станет выполнять женские приказы под палкой.

— Я не хочу толстого и курящего мужа!

Игорь Петрович поднял брови:

— У тебя есть другой? Нет? Тогда придется довольствоваться тем, которого ты выбрала. Ребенку нужен отец, тебе — муж.

— Но, если я вернусь, Вадим решит, что одержал победу! И что теперь все будет так, как он пожелает.

— Не будет, — возразил Игорь Петрович. — Я пообещал, что уговорю тебя вернуться. При условии, что он больше не будет нервировать мою беременную дочь. Вадим проникся.

Саша только теперь заметила, что все еще стоит. Опустившись на стул, она принялась накладывать на свою тарелку все, до чего могла дотянуться. Обрадованная мать помогала ей. Посуда звякала весело и празднично.

— В другой раз, пожалуйста, не вмешивайся в мою семейную жизнь, — предупредила Саша, стараясь сохранять независимый вид.

— Хорошо, не буду, — сказал Игорь Петрович, жуя. — При условии, что ты не наделаешь новых глупостей. Против упрямых людей нельзя идти в лоб. Маневры нужны. Обходные.

— Кто бы говорил, папа! Сам-то ты всегда напролом действуешь.

— Конечно, — подтвердил Каренин, ухмыльнувшись. — Потому что за мной сила. Оппоненты чувствуют это и предпочитают уступать.

— Папа у нас молодец, — вставила Дарья Геннадьевна. — Своего никогда не упустит. Вадику бы у него поучиться. Не пьет, не курит...

— Почему же не пью, — возразил Игорь Петрович, делая вид, что похвала оставила его равнодушным. — Сегодня грех не выпить. — Он потянулся за бутылкой. — Год закончился, будь он неладен. Дальше все пойдет по-другому.

— Нельзя ругать минувший год! — испугалась Дарья Геннадьевна. — Он еще не закончился. Нельзя. Год хороший был. Прошел — и слава богу.

— Хороший? — переспросил Игорь Петрович, губы которого искривились то ли в ироничной усмешке, то ли после выпитого коньяка. — На меня весь год наезжали, понятно? У меня чуть бизнес не отобрали. Еле отбил. Все связи задействовать пришлось. Знала бы ты, Дашенька, сколько я денег разным людям раздал...

— Но ведь обошлось, правда? Значит, не стоит Бога гневить.

— Отстань ты от меня со своим Богом. Я сам за себя в ответе. — Игорь Петрович тяжело поднялся. — Пора шампанское из холодильника доставать. Поздравляют уже. — Он кивнул в сторону подвесного телевизора, где беззвучно шевелил губами президент, которого было совсем не обязательно слушать, чтобы понимать, о чем он говорит. — Будем Новый год встречать.

Когда он вышел из комнаты, в дверь коротко позвонили. Дом Карениных был обнесен оградой с видеокамерами, так что посторонние сообщали о своем прибытии через домофон на воротах. Сразу к двери могли подойти лишь добрые соседи Спиваковские, для которых имелась внутренняя калитка специально для таких случаев. Они часто заглядывали друг к другу на праздники. Сегодня, правда, Спиваковские выбрали не самый удачный момент для визита. Из-за них Каренины рисковали пропустить бой курантов и драгоценные секунды загадывания желаний с наполненными бокалами в руках.

Дарья Геннадьевна почти бегом направилась к двери.

— На экран посмотри, — предупредил Игорь Петрович из кухни.

Там хлопнула пробка.

— Это Лиза! — крикнула Дарья Геннадьевна. — Одна почему-то...

На самом деле Лиза Спиваковская была не одна. Как только дверь открылась, ее оттолкнули и на крыльце появились три мужские фигуры в надвинутых на лица шапках с прорезями для глаз. Они ворвались внутрь, и в холле сразу стало тесно. Дарью Геннадьевну буквально на руках внесли в гостиную, где сидела, хлопая глазами, Саша. Вбежавшего Игоря Петровича огрели по голове чем-то тяжелым и швырнули в угол. Над ним стоял один из нападающих, держа его под прицелом своего пистолета. Лизу, что-то втолковав ей на прощание, отпустили. Дарью Геннадьевну, попытавшуюся

протестовать, наградили такой оплеухой, что лицо женщины онемело и перекошилось, а голос пропал.

— Ну, с Новым годом, буржуи! — весело сказал человек в маске.

Губы его, торчащие наружу из прорези, казались очень выпуклыми и красными. Они будто бы жили своей особой жизнью. Саша ничего страшнее этой черной головы с губами не видела. Она попробовала зажмуриться, чтобы проснуться у себя дома или в комнате наверху. Ничего из этой затеи не получилось.

— Это твой папаня? — спросил у нее налетчик. — Скажи ему, что зря он быковал. Теперь вдвойне платить придется.

Саша пошевелила губами, но не издала ни единого звука. У нее, как и у матери, тоже пропал голос.

— Ты немая? — насмешливо спросил налетчик.

Саша произнесла «нет», но беззвучно, и, чтобы быть правильно понятой, покачала головой. Это произошло под бой курантов, как она машинально отметила про себя. Наступил Новый год. При мысли об этом хотелось свернуться калачиком и укрыться с головой, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Но такой возможности, увы, не было.

— Глухая?

Она опять покачала головой.

— Тогда скажи ему, — настаивал мужчина в маске.

— Папа, — выдавила из себя Саша. — Ты зря... Платить придется...

Бандиты захохотали. Игорь Петрович неожиданно бросился на того, который стоял ближе, получил удар в лицо и отлетел обратно.

— Ты, козел! — повысил голос нокаутировавший его налетчик. — Ты с дуба рухнул? Баб своих не жалеешь? Так мы их сейчас приголубим.

— По головкам погладим, — поддакнул дружок. — И по всему остальному тоже.

— Не надо, — с усилием выговорил Игорь Петрович.

Губы его слиплись от крови, между ними растягивались и рвались красные нити.

— Что не надо? — уточнил бандит, беря Сашу за волосы и наматывая их на кулак.

Они у нее были длинные, до середины спины. Оставалось лишь пожалеть об этом.

— Больно, — пискнула Саша. — Отпустите.

— Ей больно, слышал? — провозгласил налетчик, обращаясь к красноротому Игорю Петровичу. — Сейчас еще больнее будет. Хочешь?

— Нет. Я согласен.

— Слыхали, братва? Он одолжение нам делает, он согласен. А что, если мы теперь не согласны? Если передумали?

С этими словами налетчик потянул Сашу за волосы, вынуждая ее встать. Чтобы ослабить болезненное натяжение, она привстала на цыпочки и быстро отвела взгляд от матери, которая, пользуясь тем, что на нее никто не смотрит, незаметно вытащила мобильник и принялась нажимать кнопки. Продлилось это недолго. Отобранный телефон полетел в одну сторону, его владелица — в другую.

Игорь Петрович инстинктивно встал. Стоявший рядом бандит, покряхтывая от удовольствия, несколько раз ударил его в живот. Хозяин дома мешком рухнул на пол.

— Не надо, прошу вас! — закричала Саша. — Папа согласился на все ваши условия. Не мучайте нас больше. Я беременная!

Если она надеялась разжалобить бандитов, то просчиталась. Тот, который держал девушку за волосы, встряхнул ее и загоготал:

— А я гинеколог. Пошли на медосмотр.

— Не-е-ет!

Мать, рыдая, поползла по полу к бандиту, протягивая руки, чтобы схватить его за ноги. Он пнул женщину и наступил ботинком ей на пальцы.

— Нет! Нет! — выкрикивала она. — Оставьте девочку! Меня берите, меня! Делайте со мной что хотите!

— Ишь, размечталась, мочалка старая. Кому ты нах сдалась?

Сашу разложили на диване и порвали на ней нарядное платье, надетое по случаю праздника.

— Сейчас ты у нас Снегуркой будешь. Не брыкайся, курва!

Игорь Петрович нашел в себе силы выпрямиться во весь рост.

— Или вы ее отпустите, или ничего не получите, — прощамкал он разбитым ртом.

— Уверен, фраер? А если так?

Налетчик быстрым движением приставил пистолет к голому животу рыдающей Саши.

— Хоть всех убейте, твари, — сказал Игорь Петрович.

Было в его голосе что-то такое, что заставило бандитов отступить. Они оставили Сашу, которая торопливо сгребла свои вещички в охапку, чтобы прикрыться ими.

— Завтра автостоянки на нашего комерса перепишешь, — сказал главный налетчик Игорю Петровичу. — Я данные сброшу. Три дня сроку на сбор башлей.

— Неделя, — возразил он.

— Три дня. И двойной тариф за борзость. — Чтобы придать вес своим словам, бандит ловко схватил Сашу за сережку в ухе. — Если ты против, то только заикнись. Я ей ухо порву.

Игорь Петрович молчал. Вид его был страшен. Он мелко дрожал, как будто сквозь него пропускали высокое напряжение. Бандит слегка сбавил обороты.

— За три дня управисься? — поинтересовался он.

— Пять.

— Ладно, живите.

Бандит подошел к столу, плеснул себе коньяку. Понюхал. Поднял рюмку, произнеся:

— Ну, с праздничком, хозяева. Можете продолжать.

Он выпил и сделал знак сообщникам уходить. Топая тяжелыми ботинками, они вышли. Дверь захлопнулась. Это послужило сигналом для того, чтобы женщины завывали во весь голос, больше уже не сдерживаясь.

— Хватит! — оборвал их Игорь Петрович, осторожно утирая лицо льняной салфеткой. — Голосите, как по покойнику. Я живой пока.

— Лучше бы ты умер! — завизжала Саша. — Все из-за тебя, из-за тебя!

— Дом этот тоже из-за меня, между прочим.

— Да пошел ты со своим домом! Ни минуты здесь больше не останусь.

Встряхивая обвисшими ягодицами, Саша устремилась по лестнице наверх, в свою комнату. Дарья Геннадьевна перестала плакать и, размазывая тушь по щекам, жалобно произнесла:

— Уйдет ведь.

— Пусть идет, — сказал Игорь Петрович. — Ее место — рядом с мужем. Нечего бегать туда-суда. Не девочка. — Он потрогал шатающиеся зубы и добавил в сердцах: — Только этого не хватало для полного счастья! Теперь к стоматологу идти еще. Где на все денег набраться? А? А?..

Жена молчала. Она не знала ответа. Жизнь, еще недавно казавшаяся такой простой и ясной, вдруг обернулась сплошным туманом, в котором ничего нельзя было разобрать...